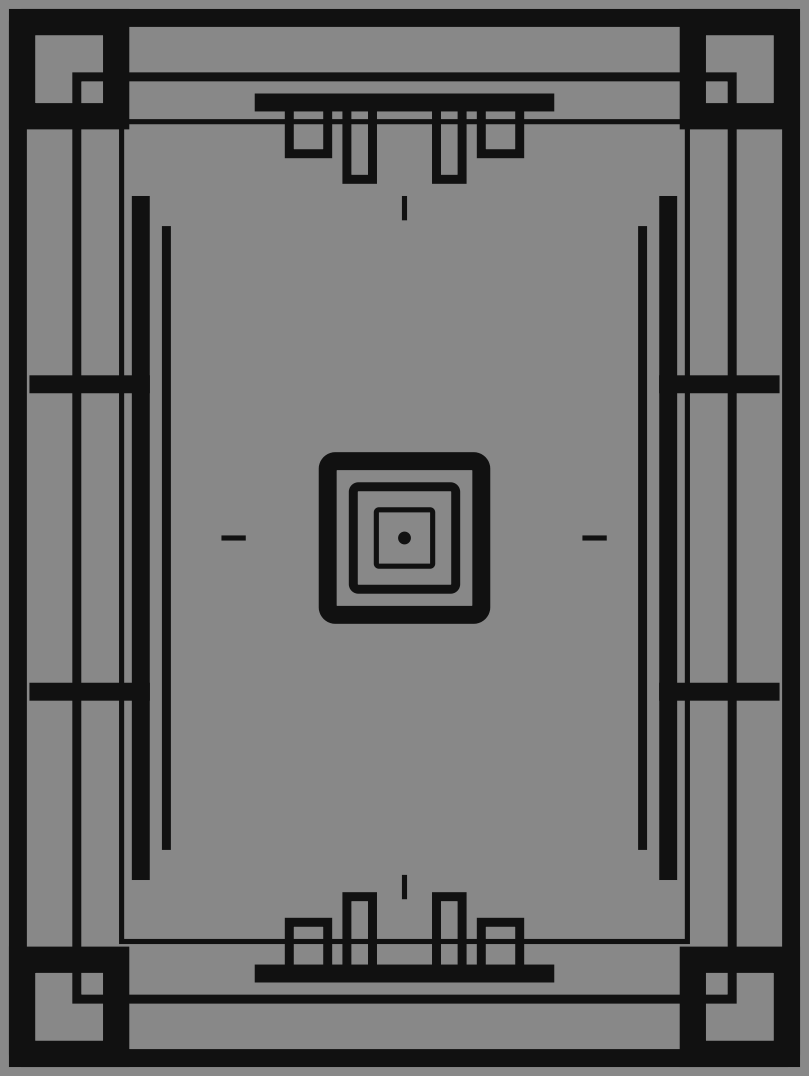

Дело Гейтвудов
Дэшил Хэммет

Дэшил Хэммет. Дело Гейтвудов

Дэшил Хэммет
Дело Гейтвудов

Харви Гейтвуд распорядился, чтобы, как только я появлюсь, меня препроводили к нему немедленно. А потому мне потребовалось не меньше четверти часа, чтобы преодолеть полосу препятствий, созданную из армии портье, курьеров, секретарш и секретарей, каждый из которых непреклонно преграждал мне дорогу, начиная от входа в здание Деревообрабатывающей компании Гейтвуда и заканчивая личным кабинетом председателя. Кабинет был огромен. Посредине стоял письменный стол величиной с супружеское ложе — из красного дерева, разумеется.

Как только вымуштрованный служащий компании, сопровождавший меня, шмыгнул за дверь, Гейтвуд перегнулся через стол и взревел:

— Вчера похитили мою дочь! Я хочу достать этих бандитов, даже если для этого мне придется выложить последний цент!

— Расскажите мне, пожалуйста, обо всем подробно, — предложил я.

Но он хотел немедленного действия, а не вопросов; поэтому я потерял около часа на то, чтобы получить сведения, которые он смог сообщить за пятнадцать минут.

Это был могучий здоровяк — около двухсот фунтов тугой красной плоти, и феодал-самодур

— от макушки яйцевидной головы до носков гигантских, сшитых, несомненно, на заказ, ботинок. Он сколотил свои миллионы, стирая в порошок каждого, кто становился на его дороге, и сейчас, в ярости, готов был продемонстрировать эту милую привычку. Его нижняя челюсть торчала гранитным утесом, глаза налились кровью — одним словом, он был в прекрасном настроении. Сначала все шло к тому, что Континентальное детективное агентство потеряет клиента, так как я решил, что, если он не расскажет все, что я хочу узнать, я пошлю это дело к дьяволу.

Однако в конце концов я выжал из него то, что нужно. Его дочь Одри вышла из семейной резиденции на Клей-стрит вчера вечером около семи, заявив своей горничной, что идет прогуляться. Домой она не вернулась. Об этом Гейтвуд узнал только из письма, которое пришло утром. Отправители сообщили, что дочь похищена, и требовали за ее освобождение пятьдесят тысяч долларов. Гейтвуду предлагали приготовить эту сумму в стодолларовых банкнотах, чтобы без проволочек передать, когда получит инструкцию, как это сделать. В качестве доказательства, что они не шутят, похитители присовокупили к письму прядь волос девушки, колечко, которое

она всегда носила на пальце, а также написанную ее рукой записку, в которой она просила отца выполнить все, что от него требуют.

Письмо это Гейтвуд получил в своем офисе; он немедленно позвонил домой и получил подтверждение, что девушка действительно не спала ночью в своей постели и что никто из прислуги не видел ее с тех пор, как она вечером вышла на прогулку. Гейтвуд немедленно позвонил в полицию и передал письмо, а позже решил также нанять и частных детективов.

— А теперь, — загрохотал он, как только я выудил у него все это и заодно убедился, что он ничего не знает о знакомствах и привычках своей дочери, — теперь немедленно беритесь за дело! Я плачу вам не за то, чтобы вы просиживали задницу и переливали из пустого в порожнее!

— А что вы намерены делать?

— Я?! Я намерен швырнуть этих... этих... за решетку, хотя бы для этого мне пришлось отдать последний цент!

— Прекрасно! Однако прежде всего вам следует распорядиться, чтобы приготовили эти пятьдесят тысяч. Вы должны иметь возможность передать их, как только они пришлют вам инструкции.

Он открыл рот. Потом захлопнул его, щелкнув

зубами, и надвинулся на меня.

— Меня никогда... слышите, никогда и никто не мог принудить к чему-либо в этом роде! — прохрипел он. — И пока что я не рехнулся от старости! Я не клюну на этот блеф!

— И это, несомненно, порадует вашу дочь. Послушайте, то, что я вам предлагаю, необходимый тактический ход. Не думаю, чтобы эти пятьдесят тысяч значили для вас так уж много, а уплата выкупа даст нам два шанса. Во-первых, при передаче денег всегда существует возможность задержать лицо, которое за ними явится, или, по меньшей мере, выйти на какой-то след. Во-вторых, когда ваша дочь вернется домой, она сможет сообщить какие-то детали, которые помогут нам схватить похитителей. Как бы предусмотрительны они ни были.

Он сердито затряс головой. С меня было довольно препирательств, поэтому я вышел, рассчитывая на то, что логика моего предложения дойдет до него раньше, чем будет слишком поздно.

В резиденции Гейтвудов было столько прислуги — сторожей, садовников, камердинеров, лакеев, шоферов, поваров, горничных и так далее, что хватило бы для содержания отеля.

Одри Гейтвуд не получала перед своим уходом

телеграммы или письма с посыльным, и никто не звонил ей по телефону — словом, не был использован ни один из тех приемов, к которым обычно прибегают, чтобы выманить жертву из дома. Своей горничной она сказала, что вернется через час или два, однако тот факт, что она не вернулась ночевать, отнюдь не обеспокоил горничную. Одри была единственной дочерью и после смерти матери вела себя, как ей заблагорассудится. Отец никогда не знал, где его дочь. Они не очень ладили друг с другом; слишком похожие характеры, как я догадывался. Ничего необычного в том, что она не ночевала дома, не было. Она редко информировала домашних о намерении переночевать у какой-нибудь приятельницы.

Одри исполнилось только девятнадцать лет, но выглядела она на несколько лет старше. Рост — метр шестьдесят пять. Голубые глаза и каштановые волосы, длинные и очень густые. Бледная и нервная. Фотографии свидетельствовали, что глаза у нее большие, нос маленький, правильной формы, а подбородок заостренный. Она не была красивой, но одна из фотографий, на которой улыбка стерла с ее губ капризную гримасу, говорила, что она умеет быть, по меньшей мере, хорошенькой. В тот день она была одета в свет-

лый твидовый костюм с этикеткой лондонского портного, кремовую шелковую блузку с темной отделкой в поясе, коричневые шерстяные чулки, коричневые туфли и серую меховую шапочку; на ней не было никаких украшений.

Я поднялся наверх в ее комнаты — она занимала три комнаты на третьем этаже — и осмотрел ее вещи. Я обнаружил вагон любительских снимков — мужчин, парней и девушек, а также груду писем разной степени интимности; подписи на них предлагали богатейший ассортимент имен, фамилий и прозвищ. Я записал все обнаруженные координаты. Всегда существует возможность, что один из адресов приведет к лицу, послужившему приманкой. С другой стороны, кто-нибудь из ее знакомых мог сообщить следствию что-то важное.

Вернувшись в агентство, я разделил адреса между тремя детективами, которые — весьма кстати — сидели без дела и могли немного пошататься по городу. Затем я связался по телефону с полицейскими, которым было поручено это дело, О'Гаром и Тодом, и поехал в управление, чтобы встретиться с ними. Там я застал также инспектора Люска. Вчетвером мы вертели факты так и эдак, снова и снова анализировали предпо-

лагаемый ход событий, но без всякого результата. Однако в одном все были согласны: мы не можем рисковать, допустив огласку дела, и не можем предпринимать каких-либо явных действий, пока девушка не вернется домой и не окажется в безопасности.

Полицейские при встрече с Гейтвудом попали в еще более тяжелую передрягу, чем я: он непременно хотел передать прессе сведения о похищении вместе с объявлением о награде, фотографиями и всем прочим. Он был совершенно прав, когда доказывал, что это самый результативный способ обнаружить похитителей, но он не задумывался над тем, чем это может угрожать его дочери, если похитители окажутся особами достаточно беспощадными. А мне среди этой публики как-то не приходилось встречать ягнят.

Я ознакомился с письмом, присланным Гейтвуду. Оно было написано карандашом печатными буквами на линованном листке, вырванном из блокнота, какой можно купить в любом писчебумажном магазине в любой точке земного шара. Конверт тоже был самым обыкновенным, а адрес был написан такими же печатными буквами и тоже карандашом. На почтовой марке был виден штемпель «Сан-Франциско, 20 сентября, 21 час».

Следовательно, оно было послано сразу же после похищения. Письмо гласило:

"Мистер!

Ваша очаровательная дочурка в наших руках, и мы оцениваем ее в 50000 долларов. Приготовьте немедленно эту сумму стодолларовыми бумажками, чтобы потом не было никаких фокусов, когда мы сообщим вам, каким способом передать нам деньги.

Заверяем вас, что дело кончится скверно для вашей дочки, если вы не выполните наши требования, или если вам придет в голову уведомить полицию, или совершить какую-нибудь другую глупость.

50 тысяч — это малая часть того, что вы награбили, когда мы барахтались за вас в грязи и крови во Франции. Но мы получим эти деньги.

Тройка"

Письмо отличалось двумя не совсем обычными моментами. Во-первых, похитители не пытались — как они обычно это делают — создать впечатление, что они малограмотны. Во-вторых, в тексте не замечалось сколько-нибудь заметного усилия направить следствие на ложный путь. Хотя таким ложным путем могло быть — но не обязательно — признание, что они — бывшие

солдаты, которые сражались во Франции. В письме был постскриптум:

«В случае, если вы не прислушаетесь к голосу рассудка, мы знаем, кто охотно купит девочку после того, как мы с ней позабавимся».

Другой, идентичный листок содержал несколько слов, начертанных дрожащей рукой. Девушка писала, по всей вероятности, тем же карандашом:

"Папочка!

Молю тебя, сделай все, о чем они просят. Я умираю от страха.

Одри"

В противоположном конце комнаты внезапно отворилась дверь и в ней показалась чья-то голова.

— О'Гар! Тод! Звонил Гейтвуд. — Немедленно поезжайте к нему в контору.

Мы вчетвером выбежали из управления и разместились в полицейском автомобиле. Гейтвуд, как сумасшедший, метался по своему кабинету, когда мы ворвались туда, распихивая вереницу гейтвудовских прихвостней, пытавшихся преградить нам дорогу. Лицо его налилось кровью, глаза метали молнии:

— Она звонила минуту назад! — увидев нас,

выкрикнул он.

Прошло несколько минут, прежде чем нам удалось успокоить его настолько, чтобы он заговорил более или менее связно:

— Она позвонила... Сдавленным голосом сказала: «Сделай что-нибудь, папочка! Я не вынесу этого, они мучают меня!» Я спросил, знает ли она, где находится. "Н-нет, — сказала она, — но отсюда виден Даблтоп.[1] Здесь трое мужчин и женщина, и..." В этот момент я услышал, как какой-то мужчина выругался, затем глухой звук, как будто ее ударили, и связь прервалась. Я сразу же позвонил на телефонную станцию, чтобы мне дали номер, откуда звонили, но они не сумели это сделать. Наши телефоны — зла на них не хватает! Платим за них такие деньги, но бог свидетель, что...

О'Гар повернулся к Гейтвуду задом и поскреб затылок.

— Есть сотни домов, из которых виден Даблтоп...

Тем временем Гейтвуд кончил поносить телефоны и принялся колотить по столу пресс-папье, видимо, для того, чтобы привлечь наше внимание.

---

[1] Примечания: 1
Небоскреб в Сан-Франциско.

— А вы... вы вообще хоть что-нибудь сделали? — обрушился он на нас.

Я ответил вопросом на вопрос:

— А вы приготовили деньги?

— Нет! — взорвался он. — Я не позволю никому меня шантажировать!

Однако заявил он это скорее рефлекторно, без всякой убежденности. Разговор с дочерью несколько надломил его упрямство. Он немного задумался о ее безопасности — вместо того, чтобы идти на поводу слепого инстинкта битвы. Мы вчетвером навалились на него и, в результате, спустя некоторое время, он послал за деньгами.

Потом мы разделили между собой задачи. Тод должен был вызвать из управления еще несколько человек и приступить к прочесыванию района, окружающего Даблтоп. Мы не связывали с этим, однако, больших надежд, поскольку речь шла о весьма обширной территории. Люск и О'Гар должны были осторожно пометить банкноты, которые принесет кассир, а потом держаться как можно ближе к Гейтвуду, но в тени и без риска привлечь к себе внимание. Я должен был заехать в резиденцию Гейтвудов и там ждать развития событий.

Похитители потребовали, чтобы Гейтвуд при-

готовил деньги заблаговременно, так, чтобы они могли забрать их в любой момент, и этим не оставляли ему ни шанса на то, чтобы уведомить кого-либо или разработать план ответных действий. Мы сообщили Гейтвуду, что теперь ему можно вступить в контакт с прессой, посвятить в тайну журналистов и подготовить объявление о выплате тысячи долларов тому, кто поможет схватить похитителей. Все должно быть готово к печати в момент, как только девушка окажется в безопасном месте. Быстрое оповещение общественности о происшествии в этом случае ничем бы ей не грозило, но удваивало наши шансы на успех. Ну а полиция во всех близлежащих участках была приведена в состояние боевой готовности еще раньше, до того, как разговор Гейтвуда с дочерью убедил нас, что похитители держат Одри в Сан-Франциско.

В течение вечера в резиденции Гейтвудов не произошло ничего особенного. Харви Гейтвуд возвратился домой рано. Пообедав, он шагал по библиотеке из угла в угол, время от времени весьма непосредственно высказывая свое мнение о том, что мы за детективы, если вместо того, чтобы действовать, лишь протираем штаны на задницах. О'Гар, Люск и Тод крутились на улице,

наблюдая за домом и соседними зданиями.

В полночь Гейтвуд отправился в свою спальню. Я отказался воспользоваться комнатой для гостей и расположился на библиотечной козетке, придвинув ее к телефону, соединенному с аппаратом в спальне Гейтвуда.

В половине третьего прозвучал телефонный звонок. Я поднял трубку и подключился к разговору.

— Гейтвуд? — спросил резкий мужской голос.

— Да-а.

— Деньги готовы?

— Да-а.

Гейтвуд говорил хрипло, сдавленным голосом. Я понимал, что все в нем кипит.

— Ладно, — продолжал энергичный голос. — Заверни деньги в бумагу и выйди с ними из дома. Пойдешь по Клей-стрит, по своей стороне улицы — не иди быстро, но и не медли. Если окажется, что все в порядке и ты не тянешь за собой хвоста, кто-нибудь подойдет к тебе, прежде чем ты доберешься до набережной. Он поднесет к лицу платок и сразу же уронит его на землю. Когда ты это увидишь, положи деньги на тротуар и прямиком возвращайся домой. Если деньги не будут мечеными, а ты не попытаешься выкинуть

какую-нибудь штуку, твоя дочь заявится домой через час или два. Ну, а если ты задумал какой-нибудь номер, то хорошо вспомни, что мы тебе писали! Понятно?

Гейтвуд пробормотал что-то, что можно было истолковать как согласие, после чего прозвучал щелчок опущенной на рычаг трубки и наступила тишина. Я не стал тратить драгоценное время на попытку установить, откуда звонили — было ясно, что из автомата, — и успел только крикнуть Гейтвуду с лестницы:

— Делайте все точно так, как вам велели! И без глупостей!

Не дожидаясь ответа, я выбежал на улицу и разыскал двух детективов и инспектора. В их распоряжение были выделены дополнительно два агента и две полицейские машины. Я ввел всех в курс дела и мы начали поспешно составлять план.

О'Гар должен был ехать на одной из машин вдоль Сакраменто-стрит, Тод на другой — вдоль Вашингтон-стрит. Эти улицы проходят параллельно Кпей-стрит с одной и другой стороны. Машины должны были продвигаться очень медленно, ожидая на перекрестках появления Гейтвуда. Если он не покажется на перекрестке в

надлежащее время, они должны были свернуть на Клей-стрит. С этого момента О'Гару и Тоду предстояло импровизировать, руководствуясь собственной оценкой ситуации, Люск должен был идти примерно на два квартала впереди Гейтвуда по другой стороне улицы, изображая пьяного. Я должен был продвигаться на соответствующем расстоянии позади Гейтвуда, а за мной шел один из агентов. Второй агент должен был стянуть всех свободных людей из управления на Сити-стрит. Мы были почти уверены, что они явятся слишком поздно и, по всей вероятности, еще какое-то время потеряют, разыскивая нас, но мы не могли предвидеть всего, что еще принесет нам эта ночь.

План был очень приблизительный, но времени придумать что-нибудь получше мы не имели. Мы боялись идти на риск и задерживать человека, который заберет у Гейтвуда деньги. Разговор Одри с отцом доказал, что похитители способны на все, а мы не хотели задираться, пока не вырвем ее из их рук.

Едва мы закончили наш совет, как из дома вышел Гейтвуд и зашагал по улице.

Впереди, по другой стороне, побрел едва видимый в темноте Люск, покачиваясь и бормоча

что-то себе под нос. Кроме него, в поле моего зрения не было никого. Позади меня по противоположной стороне улицы шел один из агентов.

Мы прошли два квартала, когда нам навстречу появился толстый господин в котелке. Он миновал Гейтвуда, миновал меня и прошествовал дальше.

Еще три квартала. Сзади подъехал большой черный лимузин с мощным мотором и опущенными занавесками. Он обогнал нас и поехал дальше. Возможно, это был разведчик. Не вынимая руки из кармана плаща, я записал в блокнот номер машины.

Следующие три квартала. Мимо нас прошагал полицейский в форме, не подозревавший о драме, которая разыгрывалась на его глазах. Сразу же после этого проехало такси с единственным пассажиром. Я записал и его номер.

Еще четыре квартала — и никого, кроме Гейтвуда. Люска я уже потерял из глаз. Внезапно перед Гейтвудом из темного переулка вынырнул мужчина, задрал голову и прокричал в небо, чтобы ему открыли ворота... Мы миновали его и пошли дальше.

Вдруг метрах в пятнадцати от Гейтвуда появилась женщина, прижимающая платок к нижней

части лица. Платок медленно упал на тротуар. Гейтвуд остановился и выпрямился. Я увидел, как он тянет из кармана правую руку, и понял, что он сжимает в ней пистолет. Примерно полминуты он стоял неподвижно, как изваяние. Потом вынул из кармана левую руку и бросил на землю сверток с деньгами. После этого резко повернулся и зашагал обратно в направлении своего дома.

Женщина тем временем успела поднять платок. Потом подбежала к месту, где белел на тротуаре пакет, схватила его и устремилась к узкому проходу между двумя домами. Это была высокая, несколько сутулая женщина, с ног до головы одетая в черное. Несколько быстрых шагов, и она исчезла в мрачной щели между домами.

Я был вынужден двигаться очень медленно и осторожно: когда Гейтвуд и женщина стояли друг перед другом, нас разделял лишь один квартал. Но как только женщина исчезла, я решил рискнуть и припустил бегом. Однако, когда я добежал, проход был пуст. Я промчался по нему до параллельной улицы, хотя понимал, что женщина никак не могла добежать до нее раньше, чем я достиг угла. Хотя лишний вес у меня есть — и немалый! — я еще в состоянии пробежать квартал в приличном темпе. По обе стороны про-

хода стояли доходные дома, взирающие на меня своими конспиративными выходами.

Подбежал агент, который шел за мной, потом подъехали О'Гар и Тод, наконец, к нам присоединился и Люск. О'Гар и Тод немедленно пустились в объезд соседних улиц в надежде, что им удастся обнаружить женщину. Люск и агент встали на углах, откуда можно было наблюдать за двумя улицами, замыкающими квартал доходных домов. Я приступил к прочесыванию квартала. Без результата. Я не нашел ни незапертой двери, ни открытого окна, ни пожарной лестницы, которая носила бы следы того, что ею только что пользовались.

Ничего.

Вскоре вернулся О'Гар — с подкреплением, присланным из управления, а после него появился Гейтвуд. Гейтвуд был вне себя от ярости.

— Снова вы все изгадили! Я не заплачу ни цента вашему агентству! Ну, а вы... а вас... Я все поставлю на голову, но добьюсь того, чтобы вас вернули патрулировать улицы, детективы недоделанные!

— Как выглядела эта женщина? — спросил я.

— Как будто я знал, что вам это может понадобиться! Я ведь думал, что вы поблизости и готовы

ее арестовать. Она была старая, сгорбленная, но лица ее я не видел — на ней была вуаль. Ну, а вы, черт бы вас побрал, вы-то что о себе думаете? Это же настоящий скандал, проклятье...

Я кое-как его успокоил и поволок обратно к дому, предоставив полицейским детально исследовать территорию. Было их теперь четырнадцать или пятнадцать, в каждых воротах торчал по меньшей мере один. Одри должна была явиться, как только ее освободят, поэтому я хотел быть на месте, чтобы сразу взять ее в оборот. Мы имели неплохие шансы задержать похитителей, прежде чем они куда-нибудь смоются, если только девушка сумеет нам что-нибудь о них рассказать.

Вернувшись в дом, Гейтвуд снова присосался к бутылке, а я закрутился, как белка в колесе, одним ухом прислушиваясь к телефону, другим — к дверному звонку. О'Гар и Тод звонили каждые полчаса, чтобы узнать, нет ли вестей от девушки. Сами они пока ничего не вынюхали.

Они приехали в резиденцию Гейтвудов в девятом часу вместе с Люском. Женщина в черном оказалась мужчиной, который давно успел смыться.

За запертой дверью черного хода в одном из

доходных домов нашли женскую юбку, длинный плащ и шляпку с вуалью — все черное. Расспросив жильцов, полицейские выяснили, что тремя днями раньше одну из комнат снял молодой мужчина, записавшийся под фамилией Лейтон. Разумеется, его дома не застали. В комнате обнаружили множество окурков, пустую бутылку и больше ничего, кроме того, что там было, когда Лейтон сюда въехал.

Выводы были очевидны. Он снял помещение, чтобы иметь доступ в меблирашку. Переодетый женщиной, он вышел на свидание с Гейтвудом через запасной вход, который оставил открытым. Потом он вбежал в дом, закрыл дверь на задвижку; сбросил женскую одежду, прошел через здание и вышел через парадный вход, прежде чем мы успели забросить свою, как выяснилось дырявую, сеть. Возможно, во время бегства он вынужден был раз-другой прятаться в подъездах от автомобилей О'Гара и Тода.

Лейтон, как оказалось, был мужчиной лет тридцати, худым, с черными волосами и темными глазами. Ростом он был метр семьдесят, может быть, метр семьдесят пять. На соседей, которые видели его раза два, он произвел впечатление приличного молодого человека, выглядевшего

весьма элегантно в своем коричневом костюме и бежевой фетровой шляпе.

Оба детектива, так же, как и инспектор Люск, считали абсолютно невозможным, чтобы Одри держали хотя бы временно в помещении, снятом Лейтоном.

Пробило десять, а от девушки все еще не было никаких вестей.

Гейтвуд растерял свою беспардонную агрессивность; казалось, он вот-вот сломается. Он плохо выносил длительное напряжение, а алкоголь ему в этом отнюдь не помог. Я не питал к нему какой-либо симпатии — ни на основании того, что я о нем слышал, ни на основании личных контактов, но теперь мне стало его жаль.

Я позвонил в агентство и справился относительно донесений детективов, проверявших знакомых Одри. Оказалось, что последней ее видела некая Эгнис Дейнджерфилд. Одри шла одна по Маркет-стрит в районе Шестой улицы между восемью пятнадцатью и восемью сорока пятью вечера. Их разделяло довольно большое расстояние, да и шла Одри по другой стороне улицы, так что Эгнис с ней не разговаривала. Кроме этого, наши парни установили, что Одри — совершенно невыносимая и разнузданная девица, которая

водит дружбу с подозрительными особами и легко может попасть в руки профессиональных преступников.

Наступил полдень, а Одри все не было. Мы дали знать газетам, чтобы они опубликовали подготовленные материалы, дополненные описанием событий последних часов. Гейтвуд, совершенно сломленный, застыл в кресле, подперев голову руками и глядя в пол. Я как раз собирался выйти, захваченный внезапно возникшей догадкой, когда он поднял на меня глаза. Я не узнал бы его, если бы перемены с ним не происходили у меня на глазах.

— Как вы думаете, что могло ее задержать? — спросил он.

У меня не хватило духа ответить ему, какой вывод напрашивается теперь, когда выкуп уплачен, а девушка не появляется. Я отделался парой общих фраз и вышел.

Я поймал такси и попросил отвезти меня в торговый центр. Я ходил из одного магазина в другой, задерживаясь во всех секциях, торгующих женской одеждой, — от туфель до шляп, и расспрашивал, не покупал ли в последние дни какой-нибудь мужчина с внешностью Леитона одежду для молодой женщины с фигурой Одри

Гейтвуд. Побывав в пяти магазинах и не получив нигде подтверждения, я поручил проверку остальных городских магазинов парню из нашего агентства, а сам на пароме переправился на другую сторону залива, чтобы прочесать универмаги Окленда. И в первом же из них мне посчастливилось.

Не далее как вчера мужчина, который вполне мог быть Лейтоном, покупал женские вещи размеров Одри. Он купил множество вещей — от белья до плаща, и мало того, он — я не верил своему счастью — приказал отослать купленные вещи мистеру Т. Оффорду на Четырнадцатую улицу.

В подъезде доходного дома, находившегося под этим адресом, я нашел возле номера квартиры 202 нужную мне фамилию. Теодор Оффорд.

В этот момент отворилась входная дверь: на пороге стояла толстая немолодая женщина в ситцевом домашнем халате. Она с интересом осмотрела меня, а я спросил:

— Вы не знаете, где живет смотритель?

— Это я.

Я подал ей визитную карточку и вошел в дом.

— Я из отдела поручительств Североамериканского страхового общества, — повторил я ложь,

напечатанную на моей фальшивой визитке. — К нам поступило заявление о поручительстве за мистера Оффорда. — Не могли бы вы помочь мне составить о нем мнение? Тот ли это человек, на которого можно положиться?

Я сказал все это со слегка озабоченным выражением лица — такая мина подходит тому, кто выполняет необходимую, но не слишком важную формальность.

— Поручительство? Очень странно! Мистер Оффорд завтра уезжает.

— Я не знаю, о каком поручительстве идет речь, — ответил я небрежно. — Мы получаем только фамилии и адреса в целях предварительного знакомства. Может, поручительство потребовалось его теперешнему работодателю, а может, это кто-то, к кому мистер Оффорд намеревается поступить на работу. Некоторые фирмы обращаются к нам, чтобы мы провели разведку в отношении лиц, которых они намереваются пригласить на работу. Хотят застраховаться от финансовой ответственности за работников.

— Ну, что я могу вам сказать... Мистер Оффорд очень милый молодой человек, — сказала она. — Но он живет здесь всего лишь неделю.

— Неделю? Да, это недолго.

— Они приехали из Денвера. Должны были остаться здесь надолго, но приморский климат не пошел миссис Оффорд на пользу, поэтому они возвращаются.

— Вы точно знаете, что они приехали из Денвера?

— Ну... так они мне сказали.

— Это большая семья?

— Нет, их только двое. Это молодые люди.

— И какое они на вас произвели впечатление? — спросил я, стараясь своим тоном дать ей понять, что свято верю в ее проницательность.

— Они производят впечатление очень милой молодой пары. Временами можно подумать, что их целыми днями нет дома, так тихо они себя ведут.

— Они часто выходят?

— Не могу вам сказать. У них есть собственный ключ от входной двери. Временами, когда они входят или выходят, я их встречаю...

— Значит, вы могли бы и не знать, если бы они однажды вечером не вернулись ночевать?

Она измерила меня подозрительным взглядом — мой вопрос не стыковался с делом, которое я выдвинул в качестве предлога. Но это уже не имело значения. Она покачала головой.

— Ну... разумеется, могла бы и не знать.

— Они часто принимают гостей?

— Не могу сказать. Мистер Оффорд не...

Она не закончила фразу, потому что с улицы вошел мужчина. Он прошел за моей спиной и двинулся к лестнице.

— Боже мой! — шепнула она. — Надеюсь, что он не слышал! Это мистер Оффорд!

Худощавый мужчина в коричневом костюме и бежевой шляпе — он вполне мог оказаться Лейтоном. Я видел его только со спины, а он меня — тоже. Он спокойно поднимался по лестнице. Если он слышал, как женщина назвала его фамилию, то он воспользуется поворотом лестницы, чтобы бросить на меня взгляд. Он это сделал. Я постарался ничем не обнаружить, что узнал его. Это был Жмот Квайл, аферист, который года четыре тому назад бесчинствовал в западных штатах. Он не выдал себя ни жестом, ни взглядом, но я знал, что он тоже меня узнал. Хлопнула дверь на втором этаже.

Я направился к лестнице.

— Загляну наверх поговорить с мистером Оффордом, — уведомил я смотрительницу.

Я тихо подошел к двери квартиры 202 и некоторое время прислушивался. Изнутри не доноси-

лось ни малейшего звука. Для колебаний не было времени. Я нажал кнопку звонка.

Один за другим, быстро, как три удара пишущей машинки под пальцами опытной машинистки, только куда громче, прозвучали три револьверных выстрела. И в двери квартиры 202 на высоте пояса появились три отверстия. Я был бы уже упитанным трупом с тремя пулями в брюхе, если бы в давние времена не научился становиться сбоку от двери, в которую звоню, когда наношу непрошеный визит в незнакомую квартиру.

За дверью прозвучал повелительный мужской голос:

— Перестань! Дура! Боже, только не это!

Ему отвечал истеричный женский голос, выкрикивающий ругательства. И какие! Еще две пули прошили дверь.

— Перестань! Прошу тебя!

Теперь в голосе мужчины звучали нотки страха. Женщина исступленно сыпала крепкими словечками. Послышались звуки борьбы. Грохнул ещё один выстрел.

Я пнул дверь изо всех сил, и замок не выдержал. На полу комнаты мужчина — Квайл — боролся с женщиной. Стоя на коленях, он держал ее за запястье и старался прижать ее руку к полу.

Женщина стискивала в руке дымящийся револьвер. Одним прыжком я оказался рядом и вырвал оружие.

— Хватит! — крикнул я, поднявшись на ноги. — Встать! У вас гость!

Квайл отпустил руку своей противницы, которая немедленно попыталась вцепиться своими острыми коготками ему в глаза; однако ей удалось лишь расцарапать ему щеку. Он на четвереньках отбежал от нее, и тут же они оба вскочили на ноги. Он сразу плюхнулся в кресло, вытирая окровавленную щеку платком. Девушка осталась стоять посреди комнаты, уткнув руки в бедра и испепеляя меня ненавидящим взглядом.

Я рассмеялся — теперь я мог себе это позволить.

— Если у вашего отца сохранилось немного разума, то он славно отделает вас ремнем, на котором правит бритву. Лихо вы его объегорили!

— Если бы вы прожили с ним так долго, как я, и вас бы постоянно унижали и терроризировали, вы тоже были бы готовы на все, чтобы раздобыть немного денег и начать жить самостоятельно.

На это я ничего не ответил. Помня о торговых методах ее папочки — особенно о кое-каких военных контрактах, в отношении которых

министерство юстиции все еще проводит расследование, — я должен был признать, что самое худшее, в чем можно упрекнуть Одри, это то, что она слишком дочь своего отца.

— Как вы вышли на наш след? — вежливо спросил меня Квайл.

— Несколько мелочей, — ответил я. — Во-первых, знакомая видела Одри на Маркет-стрит около половины девятого вечера, а письмо ваше было проштемпелевано в девять. Вы немного поспешили с этим. С отправкой письма следовало малость подождать. Вероятно, она бросила его в почтовый ящик по дороге сюда?

Квайл кивнул.

— Во-вторых, — продолжал я, — ее телефонный звонок. Она хорошо знала, что потребуется несколько минут, чтобы все эти секретарши соединили ее с отцом. Если бы она действительно добралась до телефона, воспользовавшись невнимательностью похитителей, то она так торопилась бы, что выложила бы все первому лицу, на которое наткнулась, скорее всего, телефонистке на коммутаторе. Все указывало на то, что главной целью происходящего было нагнетание страха — такого страха, чтобы ваш отец совсем размяк. Я не касаюсь здесь попытки подбросить

нам этот ложный след с Даблтопом.

Квайл снова кивнул.

— Когда она не появилась после уплаты выкупа, я начал догадываться, что она сама замешана в этом деле. Не приходится сомневаться, что если бы она возвратилась домой после такого номера, ее не пришлось бы долго допрашивать, чтобы она выдала все. И, наверное, она этого боялась. Остальное не составило труда, к тому же мне немного повезло. Мы узнали, что она находится в сговоре с каким-то типом, когда обнаружили женский наряд, который вы выбросили, когда необходимость в нем миновала. Я предположил, что в этом деле участвует лишь один сообщник. Кроме того, я знал, что ей потребуется что-то из одежды: она не могла вынести свои вещи из дома. А ведь у нее тьма приятельниц, основное занятие которых — бросаться деньгами в магазинах. Поэтому я подумал, что она скорее всего пошлет за покупками сообщника. И не ошибся. А сообщник поленился таскать пакеты, или их было слишком много, вот он и велел переслать их. Вот и вся история.

— Да, это было чертовски неосторожно с моей стороны, — признал Квайл, после чего презрительно ткнул пальцем в сторону девушки. — Но

что я мог поделать с этой идиоткой? Она же колется! Пришла, уже накачавшись какой-то дрянью. Я должен был все время следить, чтобы ей не стукнуло в голову и она не завалила все дело. Да вы же сами только что убедились, что она такое. Я сказал ей, что вы поднимаетесь наверх, а эта дура схватилась за пушку и чуть-чуть не прибавила к делу ваш труп!

Свидание отца с дочерью состоялось в кабинете капитана в управлении полиции на втором этаже муниципалитета в Окленде. Зрелище было что надо.

В течение доброго часа можно было делать ставки: хватит ли Харви Гейтвуда удар, задушит ли он свою единственную дочь или только прикажет запереть ее в исправительное заведение до совершеннолетия? Однако в конце концов Одри его пережала. Недаром она была дочерью своего отца и притом особой достаточно молодой, чтобы не считаться с последствиями, тогда как Гейтвуда, несмотря на его деспотический характер, жизнь уже научила кое-какой осторожности. Картой, которой она его побила, оказалась угроза выложить газетной братии все, что она о нем знает. Понятия не имею, что она знала в действительности, да и он, пожалуй, не был особо уведомлен, но он не

мог рисковать в тот момент, когда министерство юстиции проводило расследование, связанное с его военными контрактами. Не приходится сомневаться, что она выполнила бы свою угрозу, а одна из газет в Сан-Франциско только и ждала случая, чтобы спустить на него собак. В конце концов отец и дочь покинули кабинет капитана вместе пылая взаимной ненавистью.

Квайла мы заперли наверху, в камере, однако по этому поводу особо не обольщались. Я знал, что у нас нет способа обвинить его в чем либо, не поставив Одри перед судом.

Это было несуразное дело. И я вздохнул с облегчением, когда оно закончилось.